

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-08, version 1.0
UUID: c3454338-8208-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

«Вы не нужны»
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0008
III.....	.0011
IV.....	.0015
V.....	.0021
VI.....	.0023

**Константин Михайлович
Станюкович
«ВЫ НЕ НУЖНЫ»**

Александра Николаевна Болховская мрачным зимним утром сидела в кабинетике своей маленькой квартирке на Васильевском острове и усердно заполняла лист бумаги цифрами.

Она служила в контроле сборов одного железнодорожного управления и торопилась окончить работу, чтобы попросить перед праздниками аванс в счет жалованья.

Предстояли экстренные расходы.

– Ну, мамочка, пора мне в гимназию.

И подросток, славная девочка с большими темными глазами, крепко поцеловала мать.

Александра Николаевна любовно взглянула в лицо дочери, внимательно осмотрела ее костюм и сапоги и сказала:

– На днях, моя крошка, мы поедем купить тебе новые сапоги и шубку. В твоём пальтишке холодно. Мороз большой.

– Ничего, мама, гимназия близко. Я бегом! – и заботливо прибавила, – да где ты, мама, денег достанешь? Жалованье мы уже взяли.

– Возьмем вперед, Маруся.

– Да тебе, мамочка, может быть, неприятно? С шубкой подождем.

Александра Николаевна особенно нежно и порывисто поцеловала девочку и, улыбаясь ласковой материнской улыбкой, ответила, что приятнее всего знать, что Маруся не простудится.

– Ну, пора! Уже без четверти девять.

В прихожей мать осмотрела калоши дочери, надела на нее ватное пальто, еще раз поцеловала гимназистку и закрыла за ней дверь.

«Конечно, Уржумцев разрешит», – успокаивала себя Болховская. Она имеет полное право взять в счет жалованья.

Александра Николаевна служит в правлении пять лет, работает усердно, и начальник не смеет обвинить ее в недобросовестности.

Правда, Уржумцев был ограниченный и влюбленный в себя человек, воображающий, что он гениальный инженер и вдобавок красавец, в которого все женщины влюбляются. Александра Николаевна не пользовалась его расположением. Она не восхищалась им, не

проникалась его речами и нередко позволяла себе не соглашаться с его мнениями.

«Но как он ни безнадежно глуп, а не скотина же он, чтобы отказать в авансе», – подумала Болховская.

Перед праздниками ей деньги были особенно нужны. Она рассчитывала на то, что жалованье вперед и наградные позволят ей извернуться. И она еще быстрее подсчитывала цифры и щелкала костяными счетов.

Трудно было ей, но она не унывала и работала как вол в своем правлении. Недаром же она получала там высший оклад – семьдесят пять рублей, за вечерние занятия – пятьдесят и, кроме того, давала уроки.

Еще недавно красивая, свежая и оживленная, Александра Николаевна казалась старше своих тридцати шести лет, больной и хилой.

Но в лице этой, по-видимому, усталой женщины было что-то упорное и бодрое. В ее прелестных глазах светились ум и энергия. Видно было, что ее сломать не легко.

Александра Николаевна потянулась, расправляя спину, поморщилась как бы от боли, облегченно вздохнула, взглянув на последние

написанные ею цифры, как раздался звонок, и в кабинет вошла кухарка, и, подавая Болховской конверт, сказала:

– «Кульер», Александра Николаевна.

– Дождидается?

– Нет, барыня, ушел.

Александра Николаевна вскрыла конверт, пробежала письмо и, побледневшая, опустилась на кресло как подкошенная.

– Да что же это? – прошептала она в тоске. И, словно бы не доверяя только что прочитанным словам письма, она снова прочитала: – «К сожалению, вынужден сообщить вам, что по приказанию управляющего контролем сборов вы с первого ноября не нужны».

Письмо было подписано правителем дел и хорошим знакомым Александры Николаевны.

Возмущенная Александра Николаевна повторила:

– Ведь и прислугу так не рассчитывают. Хоть бы предупредили.

Через полчаса она уже была в правлении.

Поднявшись в комнату, где она занималась, Александра Николаевна поздоровалась с несколькими барышнями, сидевшими за столами, и подошла к Стрижову, молодому белокурому господину с пухлым, несколько рыхловатым лицом и большими голубыми глазами.

Уже при виде его сконфуженного, внезапно отведенного взгляда Александра Николаевна решила, что этот господин замешан в ее увольнении.

– Здравствуйте, Сергей Александрович, – проговорила возбужденно Александра Николаевна, протягивая молодому человеку руку. – Это что значит?

– Что, Александра Николаевна? – словно бы не понимая, о чем спрашивает конторщица, мягким, елеинным голосом проговорил

блондин, и его голубые красивые глаза внимательно разглядывали лежавшую перед ним бумагу.

Александра Николаевна скорее сразу почувствовала, чем поняла, что этот товарищ лгал.

– Вы ничего не знаете? Я больше не нужна.

– Неужели? Да этого не может быть, Александра Николаевна. Верно, какое-нибудь недоразумение. Самое лучшее, объяснитесь с Уржумцевым. А то, может быть, председатель правления устроил эту штуку? Он ведь любит новые, молодые женские лица. Пожалуй, пристроил барышню, чтобы обеспечить любовные расходы на казенный счет. А может, и сам Уржумцев подыскал хорошенькую брюнетку. Ах, Александра Николаевна, не особенно приятно здесь служить! – прибавил Стрижов.

– Так вы так и не знаете, за что меня увольняют?

– Честное слово, наверное не знаю. Недаром же Уржумцев – человек настроения и вдобавок... – И, понижая голос до шепота, молодой человек, показав длинным, выхолен-

ным пальцем на свой лоб, сказал: – Знаете, какой фрукт Уржумцев!

– Однако вы, Сергей Александрович, очень ухаживаете за «фруктом», – с нескрываемой насмешливой иронией проговорила Болховская, и в ее глазах мелькнуло презрение.

– Поневоле приходится приноравливаться, как это ни противно. Скорее бы уйти отсюда. А вам, Александра Николаевна, Уржумцев верно не посмеет не дать другого места; ведь он ценит вас как работницу. Все у нас знают, как вы работаете.

– И тем не менее?..

Александра Николаевна горько усмехнулась, решительно прошла через большую комнату и вошла в кабинет своего непосредственного начальника.

Приземистый, широкоплечий, довольно некрасивый, лысый инженер в тужурке привстал со своего кресла у письменного стола и, протягивая руку, спросил:

– Что прикажете, Александра Николаевна?

– Насчет вот этой бумаги...

– Ах, да, было позабыл. Уж вы не сердитесь, барынька, служба службой, а дружба дружбой. Председатель требует экономии.

– За что же она отразилась на мне?

– Я тут ни при чем. Председатель находит, что вы получаете большое жалованье, и нашел другую барышню на тридцать рублей. Я, конечно, стоял за вас, но вы знаете председателя – он упрям как лошак. Во всяком случае, вы, Александра Николаевна, не тревожьтесь. Я попрошу председателя, чтобы вам при увольнении выдали жалованье за два месяца, а потом постараюсь устроить вас. Пока оставлю за вами вечерние занятия.

– Это на пятьдесят рублей? На что же я буду жить с дочерью? Подумали вы об этом? – раздраженно бросила Болховская.

– Я, кажется, не легкомысленный человек, и знаете, сколько мне приходится обо всем думать. Вы не должны быть на меня в претензии. Я и без того смотрел сквозь пальцы, когда вы поздно являлись на службу... И уже не раз слышал из-за вас замечания председателя.

– Да ведь я с работой не опаздывала. Работала дома.

– А меня могли обвинить, что я покровительствую вам. Пожалуй, скажут, что пользуюсь особенным вашим благоволением.

– Это каким? – проговорила, рассмеявшись, Александра Николаевна, взглядывая на широкое, сияющее и тупое лицо с лысиной, которое остряки в правлении находили похожим на колено.

– Кажется, понятно. Женщины не лишают меня своего особенного внимания.

И с победоносным видом Уржумцев прибавил:

– Я не виноват, что нравлюсь женщинам и внушаю им мечты, полные чар, неги и блаженства.

При всей подавленности, тревоге и страхе

за будущее, Александра Николаевна расхохоталась как сумасшедшая в лицо Уржумцеву.

– Что вы находите смешного? Вы приходите по службе и, кажется, могли бы понимать служебные отношения, – строго и внушительно проговорил Уржумцев.

Болховская расхохоталась еще больше.

– Напрасно вы смеетесь. Я не имею чести вам нравиться? Конечно, дело вкуса... Но я мог бы вам доказать, что имею полное основание нравиться женщинам. Они хорошо меня знают и любят не ради одной только души. Разве вы не понимаете, что такое любовь? Это не одна только душа, а нечто совершенно особенное. Прочтете, Александра Николаевна, я пишу в свободное время серьезную статью о любви.

– Да, вы, кажется, не раз рассказывали об этом интересном предмете барышням правления... С меня довольно.

– Да вы что сердитесь, Александра Николаевна? Я не сержусь, что не нравлюсь вам, и прошу верить, что я должен был послать вам письмо об увольнении без каких-либо особых намерений.

– Еще бы смели! – высоко поднимая голову, проговорила Александра Николаевна и, едва поклонившись, вышла из кабинета.

IV

В тот же день Александра Николаевна опять пришла в правление.

Она все еще надеялась, что ее оставят на службе.

Уржумцев мог испугаться протеста сослуживцев. Они могли бы за нее заступиться. Ведь должны же они были возмутиться поведением Уржумцева и могли бы показать ему его несправедливость.

Многие из барышень выражали Александре Николаевне участие, но оно казалось далеко не искренним. Молчали и молодые люди.

Только Ардалион Иванович, старенький помощник бухгалтера, любивший сильно запивать, при встрече с Александрой Николаевной значительно и крепко пожал ей руку и сказал:

– Говорили с Уржумцевым?

– Говорила...

– Одумался?

– Нет, сегодня совсем ухожу.

– Мерзавец! – проговорил старенький по-

мощник бухгалтера и куда-то исчез.

Через пять минут он уже вернулся, значительно раскрасневшийся, и вошел к Уржумцеву.

– Извините, Василий Васильевич... мне два слова.

– Что вам?

– Ведь Александра Николаевна – отличная работница. Другой такой не найдем, и дело хорошо знает, и не из лодарниц-барышень. Нам же будет труднее, если вместо Болховской вы нам дадите какую-нибудь хорошенькую цацу.

– Это не мое дело... Председатель...

– Ну, положим, Василий Васильевич, все зависит от вас. Скажите председателю, – он и отменит свое решение.

– Да вы что? Влюблены, что ли, в Болховскую? Так вы и похлопочите для нее о другом месте. А у нас не благотворительное учреждение.

– То-то для многих барышень благотворительное... Хотя бы для ваших двух кузин... А порядочную работницу гонят.

– Прошу вас не читать мне нотаций.

– Какие нотации? Просто мы по-свински сделали. И попадем в газеты. И поделом...

Уржумцев очень боялся газет и испуганно спросил:

– Это кто же может написать такую пасквиль?

– Да хоть бы и я? Вы думаете, нечего рассказать? Очень даже много, – вызывающе сказал Ардалион Иванович.

– Вы, верно, закусывали? – с презрительной усмешкой сказал Уржумцев.

– И закусывал и выпил. А мне обидно, хотя я за Александрой Николаевной не ухаживал. Я ведь не так нравлюсь женщинам, как вы.

Уржумцев знал, что Ардалион Иванович был знающий и отличный служака, и им дорожил и председатель правления, и его хорошо знал один из крупных акционеров, имевший большое влияние на правление и особенно на председателя. Все знали, что старенький помощник выпивает, но на это смотрели сквозь пальцы. И Уржумцев, слегка понижая тон, сказал:

– Я попрошу председателя... Только вряд ли... А на газеты мне наплевать... Мало ли

врут.

– Так вы, Василий Васильевич, решительно гоните Болховскую?..

– Повторяю, я ни при чем.

– Ну что ж, ловко! Верно, какую-нибудь цацу определите? А я с цацой служить не хочу и пойду объясняться к председателю... Пойду еще закусывать и не побоюсь... И без вашего правления найду место!..

С этими словами старенький помощник бухгалтера вышел из кабинета и в комнате, где сидели барышни, громко воскликнул:

– Барышни, Болховскую выгнали! Довольно подло с ней сделали!

Никто не отвечал. Глаза у всех были опущены. Только одна из самых любопытных спросила:

– Ардалион Иванович, вы, наверное, знаете, кто вместо Болховской?

– Верно, к вам новая барышня... И будет стрелять глазами еще лучше вас.

– И ошиблись, милый Ардалион Иванович, – внезапно сказала только что вошедшая Александра Николаевна.

– А кто?

– Да вот этот самый Стрижов, который так ухаживает за «фруктом». Мне только что касир сказал... Ведь это правда, Сергей Александрович? – обратилась она к молодому человеку с ласковыми глазами.

Тот вспыхнул и обиженно проговорил:

– Я ни при чем, Александра Николаевна.

– Но, однако, вы назначены на мое место?

– Да... Мне только что сказал Уржумцев.

– И знали, что меня выгоняют?

– Хорош товарищ! – воскликнул старенький помощник бухгалтера, и скулы на его лице задвигались. – А вы, Александра Николаевна, не думайте, что все здесь такие же свиньи. Я вот выпил и не хочу быть свиньей. Уйдете вы – и я уйду.

Сконфуженный молодой человек как будто не слышал, что ему сказал выпивший Ардалион Иванович, и, наклонив голову, усердно защелкал счетами.

Несколько минут в комнате царило молчание.

Вскоре в комнате словно затрещала стайка канареек. Барышни бросили работу и стали болтать о том, действительно ли вместо ба-

рышни будет назначен Сергей Александрович.

– Верно, дадут больше жалованья, чем нам, – заметила барышня в красной хорошенькой блузке.

– Это бессовестно! Наша комната для барышень.

Но вдруг все барышни притихли. Защелкали костяшки. Вошел Уржумцев. Обратившись к Стрижову, он сказал:

– Пока займите место Болховской. Александра Николаевна уходит от нас.

– И я ухожу, освободится и еще место.

Александра Николаевна протянула обе руки к Ардалиону Ивановичу и проговорила:

– Не делайте этого, не делайте, Ардалион Иванович. Ведь у вас семья. А разве ваш поступок повлияет на кого-нибудь? Взгляните кругом... Сергей Александрович, пожалуй, назовет вас сумасшедшим.

В эту минуту вошел высокий, худощавый старик и, любезно раскланиваясь, прошел в свой кабинет, на ходу сказав Уржумцеву:

– Василий Васильевич, ко мне на минутку.

— Терпеть я не могу, когда у нас какие-то неприятные истории, — сказал председатель и брезгливо сморщил свое безбородое и безусое лицо. — Уж вы как-нибудь уладьте.

— Оставить Болховскую?

«Кажется, мог бы сам сообразить, а не беспокоить меня. Для чего же он и занимает такое место? А то лезет со всяким пустяком», — подумал председатель и прибавил:

— Ведь Болховская не из аккуратных барышень?

— Да, не из аккуратных.

— Так дайте ей полугодовое жалованье, она и успокоится. По крайней мере, меня не будут беспокоить. И устройте одну барышню. Явится к вам с моей карточкой. Я ее знаю. Вполне порядочная девушка.

Уржумцев наклонил голову и проговорил:

— Помощник бухгалтера собирается уходить.

— Из-за чего?

— Да из-за этой же неприятности. Сегодня много закусывал и находит, что вы неспра-

ведливы к Болховской. Грозит газетами. Конечно, Ардалион Иванович – служащий хороший, но не один же он...

– Газетами?! Такая неблагодарная скотина! Я его взял сюда, ходил тогда без сапог, а теперь «несправедливость»! Можно и его сплавить!.. У меня в виду есть порядочный человек на его место. Скажите, что если ему кажется, что здесь одни несправедливости, то его удерживать не будем. И прошу вас, Василий Васильевич, чтобы никаких историй... Ужасно не люблю я этих историй...

VI

На другой день в контроле сборов не было Александры Николаевны и помощника бухгалтера. Место Болховской занял Стрижов. Рядом с ним сидела новенькая – эффектная брюнетка, элегантно одетая, с красивыми кольцами на тонких, длинных, выхоленных пальцах.

Она со всеми познакомилась. Приветливая, с ласково улыбающимися глазами, новенькая всем понравилась. Барышни весело болтали и примолкли, как только вошел Уржумцев.

Барышни обратили внимание, что Уржумцев особенно ласково посмотрел на эффектную брюнетку.

В то же время Болховская нервно ходила по своей квартире. На душе было жутко. Будущее казалось ей безнадежным. И она повторяла:

– Выброшена... Выброшена...

– Ты, мамочка, что же такая грустная? –

проговорила девочка, вбегая в комнату, и прижалась к матери.

Мать мучительно-радостно смотрела на девочку и чувствовала, что энергия и бодрость снова приливают к ее сердцу.

И она сказала:

– Я, Маруся, оставила место. Найду другую работу. Не буду уходить из дому. Будем теперь вместе.

И Александра Николаевна стала безумно целовать девочку.

А слезы тихо катились по щекам этой за-
травленной женщины.

1903

Notes

[^^^]